

«ВОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЕРОЯТНОСТЬ ЭСКАЛАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

С. В. Голунов

Институт мировой экономики и международных отношений РАН,
Российская Федерация, 117197, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Многочисленные прогнозы предупреждают об опасности обострения конфликтов за воду в Центральной Азии из-за таких факторов, как ограниченная доступность водных ресурсов на большей части территории данного региона, быстрый рост населения, негативные последствия глобального потепления, а также противоречия между сельскохозяйственными и энергетическими потребностями государств региона. Несмотря на довольно высокую степень изученности проблемы дефицита водных ресурсов в Центральной Азии, анализ возможных причин эскалации конфликтов и круга их потенциальных участников выглядит фрагментарным и недостаточно логичным, а выводы многих исследований представляются устаревшими и не в полной мере учитывающими взаимосвязь водных проблем с вопросами энергетической безопасности. Настоящая работа посвящена комплексному анализу роли тех факторов, которые потенциально способны привести к обострению водных конфликтов в Центральной Азии. Автор приходит к выводу о том, что обострение конфликтов по поводу водных ресурсов в регионе отнюдь не выглядит неизбежным и даже самым вероятным сценарием. Страны региона располагают довольно широким диапазоном возможностей для того, чтобы не допустить обострения проблемы: речь может идти и о более рациональном потреблении воды, и о получении доступа к дополнительным водным ресурсам, и о достижении межгосударственных компромиссов, смягчающих противоречия между верховыми и низовыми государствами по поводу сезонного распределения квот водопотребления. Вместе с тем реализация этих возможностей осложняется рядом экономических и политических факторов, что вносит в будущее развитие ситуации значительный элемент неопределенности.

Ключевые слова: Центральная Азия, водная безопасность, водный конфликт, абсолютный дефицит воды, сезонный дефицит воды, энергетическая безопасность.

ВВЕДЕНИЕ

Затрагиваемая, по некоторым оценкам, примерно 40% мирового населения проблема дефицита пресной воды рассматривается многими аналитиками в качестве одной из острейших проблем XXI в., способной стать причиной вооруженных конфликтов (см., напр.: [Vorosmarty et al., 2018]). Во многих прогнозах Центральная Азия фигурирует в числе регионов с высоким потенциалом обострения водных конфликтов. Ограниченная доступность водных ресурсов на большей части территории региона, жаркий климат, быстрый рост населения и более высокие, по сравнению со среднемировыми, темпы потепления создают угрозу резкого обострения проблемы дефицита воды.

Оценки потенциального влияния проблем водной безопасности на развитие конфликтов в мире существенно расходятся. Некоторые исследователи полагают, что дефицит питьевой воды в XXI в. потенциально может стать одной из ключевых причин вооруженных столкновений [Homer-Dixon, 1994], нередко акцентируя особое внимание на противоречиях между контролирующими истоки рек верховыми государствами и находящимися в менее выгодном положении государствами низовыми. Однако другие исследователи считают систематическое обострение конфликтов за воду в мире не столь вероятным. По их мнению, в истории человечества крайне редко имели место войны, в которых конфликт за воду выступал бы в качестве главной, а не второстепенной причины [Gleick, Iceland, 2018]. По убеждению сторонников этой точки зрения, в подавляющем большинстве случаев компромиссы выглядят гораздо более осмысленным путем разрешения противоречий, нежели эскалация конфликтов [Wolf, 2001].

Конфликты за распределение водных ресурсов центральноазиатского региона оказывались в центре внимания сотен научных работ. Однако, несмотря на высокую изученность данной проблемы, у исследователей все же остается немало возможностей найти свою нишу.

Во-первых, во многом устаревшими можно считать те опубликованные в период с 1990-х по вторую половину 2010-х годов работы, в которых особый акцент делается на противоречиях между Узбекистаном как государством, расположенным в нижней части течения рек Амударья и Сырдарья (низовым государством), с одной стороны, и Таджикистаном и Кыргызстаном как государствами, контролирующими истоки тех же рек (верховыми государствами), с другой стороны. После прихода к власти в 2016 г. президента Ш. Мирзиёева Ташкент взял курс на конструктивное урегулирование противоречий со своими соседями, что во многом лишило упомянутые пессимистические прогнозы своей актуальности.

Во-вторых, в большинстве работ (не исключая работы военных специалистов, см., напр.: [Stewart, 2014]) наблюдается заметное противоречие между первоначальным акцентом на обострении проблемы абсолютного дефицита водных ресурсов и последующим переходом к рассмотрению противоречий между верховыми и низовыми государствами по вопросу сезонного распределения воды. В данном контексте важно то, что часть исследователей недостаточно четко разделяет конфликты за абсолютное и относительное распределение водных ресурсов: в первом случае речь идет о проблеме абсолютного дефицита воды, во втором — о проблеме сезонного (относительного) дефицита при разногласиях по поводу распределения воды в зависимости от времени года (летом больше воды нужно для орошения, а зимой — для выработки электроэнергии) [Kipping, 2008]. Смешение этих типов конфликтов способно привести к ошибкам в логической аргументации при оценке проблемы нехватки водных ресурсов и перспектив дальнейшего развития ситуации.

В-третьих, хотя в части работ прослеживается тесная взаимосвязь между водными и энергетическими проблемами (см., напр.: [Stucki, Sojamo, 2012;

Боришполец, 2013]), анализ такой взаимосвязи, как правило, сводится лишь к вопросам производства электроэнергии и поставок топлива в верховые государства, оставляя за бортом такие аспекты, как роль энергетических интересов в формировании водной политики низовых государств и потенциальное значение энергии в решении проблемы водного дефицита. Как будет более подробно показано далее, проблемы водных ресурсов самым тесным образом связаны с проблемами энергетической безопасности.

Учитывая эти соображения, в настоящей работе основной акцент делается на комплексной оценке роли тех факторов, которые потенциально способны привести к обострению водных конфликтов в Центральной Азии. При этом особое внимание уделяется обозначившимся с конца 2010-х годов новым тенденциям в региональных международных отношениях, а также разноплановой взаимосвязи между водными и энергетическими проблемами.

ГЕОГРАФИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА

Большинство крупнейших рек региона (если не считать притоки более крупных рек) являются трансграничными. Наиболее многоводные реки Центральной Азии с расходом воды более 1000 м³ в секунду — Иртыш и Амударья, входящие в число 150 крупнейших рек мира. В числе крупных рек региона с расходом воды от 100 до 1000 м³ в секунду фигурируют (в порядке убывания расхода) Тобол, Сырдарья, Или, Урал, Зеравшан и Чу. В эту же группу можно включить притоки Амударьи Пяндж и Вахш, а также притоки Сырдарьи Нарын и Карадарью.

При анализе водных проблем Центральной Азии данный регион можно условно разделить на три субрегиона. Критериями такого деления являются наличие общих для данной группы стран трансграничных рек, а также сходство тех водных проблем, которые приходится решать данным странам.

Первый из этих субрегионов — север и запад Казахстана, крупнейшие реки которого (Тобол, Урал и Ишим) пересекают российско-казахстанскую границу. Российско-казахстанские отношения по управлению проблемами этих рек в целом носят конструктивный характер; однако достаточно серьезными вызовами являются загрязнение рек, разрушительные последствия половодий, а также дефицит воды в ряде регионов Казахстана. Так, потребности расширяющейся казахстанской столицы — города Астаны — становятся чрезмерной нагрузкой для относительно небольшой реки Ишим (расход воды — менее 100 м³ в секунду), уровень загрязненности которой при этом угрожающе растет.

Во второй субрегион можно включить восток (и юго-восток) Казахстана, в котором расположена крупнейшая центральноазиатская река Иртыш, а также питающая озеро Балхаш река Или. Наряду с Казахстаном и (когда речь идет о проблемах Иртыша) Россией, особое место в трансграничных отношениях по поводу водных ресурсов данного субрегиона занимает Китай.

Наконец, в третий субрегион, которому в настоящей работе будет уделено первоочередное внимание, можно включить часть территории Южного Казахстана (Туркестанскую и Кызылординскую области), а также территории всех остальных стран Центральной Азии (Кыргызстана, Таджикистана, Туркмениста-

на и Узбекистана). Главную роль в обеспечении данного субрегиона водными ресурсами играют реки бассейнов Амударьи и Сырдарьи.

В последнем субрегионе особую роль играют отношения между верховыми и низовыми государствами. К числу первых относятся Кыргызстан и Таджикистан, которые контролируют истоки рек бассейнов Сырдарьи и Амударьи и заинтересованы в использовании ресурсов этих рек для генерации электроэнергии. Потребление электричества в этих государствах резко возрастает зимой, причем в этот период объем поступления речной воды с горных ледников резко сокращается (что создает потребность в заблаговременном накапливании воды в водохранилищах). Именно в Кыргызстане и Таджикистане расположены крупнейшие в регионе гидроэлектростанции и водохранилища. Среди ГЭС наиболее мощными являются Нурекская (находится в Таджикистане на реке Вахш, мощность — 3000 МВт) и Токтогульская (расположена в Кыргызстане на реке Нарын, мощность — 1200 МВт). Таджикистан планирует построить еще более крупную Рогунскую ГЭС, проектная мощность которой в случае полноценной реализации проекта достигнет 3600 МВт. Крупнейшим в регионе водохранилищем является Токтогульское, объем которого (19,5 км³) почти в два раза превышает объем Нурекского водохранилища.

К числу низовых государств бассейнов рек Амударьи и Сырдарьи относятся Узбекистан, Туркменистан и Казахстан, а также расположенный за пределами постсоветской Центральной Азии Афганистан. Водные ресурсы нужны этим государствам в основном для удовлетворения сельскохозяйственных потребностей (на которые приходится примерно 90% их водопотребления¹) и в первую очередь летом. Хотя на территории этих государств также действуют ГЭС (например, Тюямуюнская на границе между Узбекистаном и Туркменистаном), их мощность и экономическое значение существенно ниже, чем у тех упомянутых выше ГЭС, которые расположены в Таджикистане и Кыргызстане. Для распределения воды в низовых государствах была создана разветвленная сеть каналов, наиболее обширным и многоводным из которых стал построенный в советский период в Туркменистане Каракумский канал длиной более 1400 км и с расходом воды 600 м³ в секунду. Кроме того, для аккумуляирования водных ресурсов и регулирования их распределения в зимнее время в низовых государствах Центральной Азии существует система водохранилищ и искусственных озер. В этих же целях в постсоветский период ведется строительство новых озер и водохранилищ, например ряда водохранилищ в Узбекистане и Туркменского озера.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ЭСКАЛАЦИИ ВОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Нечеткость анализа вероятных сценариев эскалации является одной из самых типичных слабостей работ, посвященных водным конфликтам в Центральной Азии. Зачастую остаются не вполне понятными те цели, которые могут

¹ Водная, энергетическая и продовольственная безопасность // Региональный экологический центр Центральной Азии. URL: <https://shorturl.at/fpl45> (дата обращения: 30.11.2023).

преследовать инициаторы эскалации, и те методы, которыми они способны эффективно добиваться реализации данных целей.

Многие работы открываются рассуждениями о том, что вероятность конфликта увеличивается в условиях растущего абсолютного дефицита водных ресурсов. Чаще всего в данном контексте упоминается о вероятности обострения конфликта между верховыми и низовыми государствами, однако остается непонятным то, каким образом последние могут насильственным путем решить проблему дефицита воды за счет своих верховых соседей. Представляется маловероятным, что низовое государство может преследовать цели оккупации речных долин верховых государств с последующим расселением на этих территориях своих граждан. Если же низовое государство добивается сезонного перераспределения воды для своих сельскохозяйственных нужд, то речь идет уже не об абсолютном, а об относительном дефиците воды.

Обострение вызванного абсолютным дефицитом воды конфликта в долгосрочной перспективе выглядит более вероятным в том случае, когда речь идет о распределении воды между низовыми государствами, одно из которых расположено выше, а другое — ниже по течению (например, в парах Узбекистан — Казахстан и Узбекистан — Туркменистан). Аналогичного рода конфликты могут обостриться и в тех случаях, когда граница между государствами (в данном случае неважно, верховыми или низовыми) проходит вдоль водоема, одновременно используемого сопредельными сторонами для удовлетворения своих хозяйственных нужд.

Обращает на себя внимание, что практически все произошедшие в постсоветский период столкновения из-за водных ресурсов начинались на низовом уровне. В собранной Тихоокеанским институтом (Окленд, США) базе данных конфликтов за водные ресурсы² фигурируют стычки между пытавшимися перекрыть каналы сопредельной стороны гражданами Узбекистана и Туркменистана в районе Тюямуюнского водохранилища в 1992 г., а также периодически вспыхивавшие конфликты за доступ к воде бассейна реки Исфары в зоне киргизско-таджикской границы. В апреле 2021 г. один из таких конфликтов перерос в вооруженные столкновения между силовыми структурами Кыргызстана и Таджикистана, в результате которого погибли более 50 чел. В тех случаях, когда конфликты из-за дефицита воды начинаются «снизу», многое зависит от политической воли сопредельных государств, в распоряжении которых есть ряд рассматриваемых далее инструментов урегулирования.

Наиболее вероятным мотивом эскалации конфликта из-за сезонного дефицита воды может стать желание низового государства жесткими средствами повлиять на режим распределения воды верховым государством. Потенциальными целями низового государства может стать либо взятие плотины водохранилища в верховом государстве под свой военный контроль, либо принуждение верхового государства к увеличению водостока из своих водохранилищ в летний период при уменьшении водостока в зимний период. Кроме того, низовое

² Water Conflict Chronology // Pacific Institute. URL: <https://www.worldwater.org/conflict/map> (дата обращения: 5.09.2023).

государство может жестким путем попытаться воспрепятствовать строительству верховым государством новой ГЭС, если сочтет, что это создает угрозу национальной безопасности.

Самые серьезные инциденты подобного рода в постсоветской Центральной Азии были спровоцированы противоречиями по поводу сезонного распределения воды между Узбекистаном, с одной стороны, и Кыргызстаном и Таджикистаном — с другой. В первом случае недовольство Узбекистана вызвал перевод Кыргызстаном водосброса Токтогульского водохранилища на зимний режим, произведенный после того, как Узбекистан в несколько раз увеличил цену на поставляемый Кыргызстану газ и тем самым вынудил последнюю сделать ставку на использование электроэнергии для нужд отопления. Во втором случае недовольство Ташкента вызвали планы Душанбе по строительству крупнейшей в регионе высокогорной Рогунской ГЭС, что, по мнению узбекской стороны, создало бы опасность катастрофического разрушения плотины в случае землетрясения, а также могло бы усугубить дефицит воды в низовье в течение многолетнего периода заполнения Рогунского водохранилища. Хотя Узбекистан сделал ставку на жесткое политическое и экономическое давление на соседей, в некоторых случаях он прибегал и к военным угрозам. Так, в 1998 г. он проводил военные учения у границы с Кыргызстаном недалеко от Токтогульского водохранилища, а в 2012 г. президент И. Каримов заявил, что новые плотины могут вызвать «не просто серьезные столкновения, но даже войны» [Water Conflict Chronology].

Одним из главных рисков проводимой верховым государством военной операции может стать уничтожение противником плотины, что приведет к наводнению с катастрофическими последствиями для атакующей стороны. Между тем противоречия по поводу сезонного распределения воды могут решаться более конструктивным путем, включающим поставки топлива верховому государству в зимний период и взаимовыгодное участие низового государства в энергетических проектах «верховья». Кроме того, как показывает пример Узбекистана периода президентства И. Каримова, верховое государство может пойти довольно жестким, но при этом невоенным путем, включая политическое давление и экономические санкции.

Приведенные выше соображения нельзя считать безусловными доказательствами того, что дефицит воды в будущем не станет ключевой причиной вооруженного конфликта в Центральной Азии. Однако в обозримой перспективе такого рода проблемы все же не выглядят для государств региона достаточно убедительной причиной для того, чтобы целенаправленно идти на военное столкновение с соседями.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТОРЫ ЭСКАЛАЦИИ

Круг тех государств, которые потенциально способны стать инициаторами обострения водных конфликтов в Центральной Азии, довольно серьезно ограничен. Чтобы пойти на вооруженное противостояние из-за проблем распределения водных ресурсов, такое государство должно иметь не только веские

причины, но также реальные шансы одержать победу и уверенность в том, что за оппонента не вступятся могущественные союзники.

Эти соображения исключают из круга вероятных инициаторов эскалации Туркменистан. Данная страна испытывает определенный дефицит водных ресурсов, но, по меньшей мере, не имеет военного превосходства ни над одной из сопредельных стран.

В обозримой перспективе также представляется маловероятным, что в роли инициатора вооруженного конфликта может выступить Казахстан, который сам располагает довольно значительными водными ресурсами. При этом Казахстан граничит на западе, севере и востоке с явно превосходящими его по военной мощи Россией и Китаем, не обладает ощутимым военным превосходством над Узбекистаном и не имеет поводов для водных конфликтов с Туркменистаном. Определенные противоречия периодически возникают у Казахстана с Кыргызстаном по поводу распределения водных ресурсов реки Талас, однако ввиду ее ограниченного значения (расход воды — 27 м³ в секунду) соперничество за ее ресурсы вряд ли создает достаточный повод для применения крайних мер. В случае резкого обострения проблемы дефицита воды гипотетически несколько более вероятно обострение конфликта за воду реки Сырдарья с расположенным выше по течению Узбекистаном, однако в обозримом будущем военный конфликт выглядит для Казахстана весьма рискованным и невыгодным с экономической и политической точек зрения.

В качестве вероятного инициатора региональных конфликтов за воду долгое время чаще всего упоминался Узбекистан, который находился в напряженных отношениях с Кыргызстаном и Таджикистаном, при этом явно превосходя их по военной мощи. В долгосрочной перспективе при резком обострении проблемы абсолютного дефицита воды гипотетически не следует полностью исключать возможность эскалации конфликта между Узбекистаном и гораздо более слабым в военном отношении Туркменистаном, к которому могут быть предъявлены претензии в нерациональном использовании водных ресурсов Амударьи, в огромных объемах забираемой для Каракумского канала.

Однако те мотивы, которые потенциально могут побудить Узбекистан к эскалации водных конфликтов в регионе, на обозримую перспективу не выглядят достаточно убедительными. Во-первых, Кыргызстан с Таджикистаном являются членами Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), и потому попытка решить противоречия с этими странами военным путем создает риск вооруженного конфликта с РФ. Во-вторых, углубление противоречий Ташкента с Кыргызстаном и Таджикистаном в период с 1990-х по первую половину 2010-х годов было во многом связано со спецификой экономической политики страны периода президентства И. Каримова. Данная политика основывалась на экстенсивном развитии сельского хозяйства при расточительном водопользовании с упором на экспортное производство хлопка и попытками увеличить доход от экспорта газа более платежеспособным потребителям, нежели Кыргызстан и Таджикистан. Приход к власти в 2016 г. Ш. Мирзиёева повлек за собой направленные на интенсификацию сельского хозяйства экономические реформы, включая рационализацию водопользования [Makhmudov et al., 2022]. Значи-

тельные изменения произошли и во внешней политике Ташкента: в частности, Узбекистан быстро пошел на улучшение отношений с верховыми государствами, сняв свои возражения по поводу строительства ГЭС и выразил готовность участвовать в данных проектах. Наиболее заметным реальным шагом на пути к развитию сотрудничества между Узбекистаном и соседними низовыми государствами в водно-энергетической сфере стала подписанная в январе 2023 г. министрами энергетики Узбекистана, Кыргызстана, а также Казахстана дорожная карта о строительстве самой мощной в Кыргызстане (1860 МВт) гидроэлектростанции — Камбартинской ГЭС-1. Мотивами изменения позиции Ташкента могли стать как его претензии на роль лидера центральноазиатской интеграции, так и увеличивающаяся потребность страны в электроэнергии для обеспечения экономического роста, включая модернизацию системы водоснабжения.

Хотя в 1990–2010-х годах многие авторы писали о сходстве интересов Кыргызстана и Таджикистана по отношению к более сильным низовым государствам, именно конфликт между этими верховыми странами в 2021 г. стал единственным примером межгосударственных военных столкновений в постсоветской Центральной Азии, начавшихся из-за спора по поводу распределения водных ресурсов. Как представляется, столкновения 2021 г. прежде всего связаны со слабостью обеих государств и недостаточной политической волей к урегулированию застарелых местных проблем. Данные проблемы пока выглядят вполне преодолимыми при условии, если оба государства приложат конструктивные усилия к их разрешению.

По мнению ряда аналитиков, потенциальными инициаторами эскалации водных конфликтов в регионе при определенных обстоятельствах могут стать и внешние акторы, в частности Китай и Афганистан.

КНР располагает огромной военной и экономической мощью, которая в обозримой перспективе делает весьма затруднительным оказание на Пекин эффективного давления при разрешении водных споров. Как верховое государство, Китай контролирует один из самых больших в мире объемов водных ресурсов, однако именно прилегающий к Центральной Азии северо-западный регион является самым вододефицитным в стране. Прилагая значительные усилия к его развитию, Китай забирает все больше воды из трансграничных рек Иртыш и Или, что наносит ущерб интересам Казахстана и России. Некоторые аналитики опасаются, что в перспективе Китаю будет недостаточно ресурсов этих рек, и потому он будет более агрессивно претендовать на водные ресурсы самого центральноазиатского региона. Следует, однако, помнить, что все сопредельные с Китаем центральноазиатские страны находятся под военной защитой ОДКБ и что Китай обладает значительными ресурсами для решения проблемы водоснабжения северо-запада внутренними усилиями, включая задействование передовых технологий водопользования, переброску водных ресурсов из более богатых ими регионов страны, изменение хозяйственной специализации вододефицитных территорий и даже переселение их жителей [Jiang, 2015].

Одним из главных участников будущих конфликтов за распределение воды реки Амударья потенциально может стать Афганистан, для которого эта река является пограничной. На протяжении длительного времени Афганистан оста-

вался за бортом соглашений по распределению воды этой реки, что воспринималось Кабулом как несправедливость. Использование воды Амударьи для орошения могло бы дать толчок к развитию сельского хозяйства в северных афганских провинциях. В 2022 г., еще до триумфального возвращения к власти талибов*, Афганистан начал строить недалеко от стыка своей границы с Таджикистаном и Узбекистаном канал Куштепа, который, по разным оценкам, может забрать из Амударьи от десятой до третьей части ее стока (см., напр: [Кенжаев, 2023]). При пессимистическом сценарии задействование канала на полную мощность способно привести к тяжелым последствиям для Южного Узбекистана и особенно для Туркменистана, а также к обострению противоречий между этими странами и Афганистаном.

Вместе с тем в долгосрочных интересах Афганистана развитие экономического сотрудничества с центральноазиатскими странами, которое могло бы дать Кабулу такие ощутимые выгоды, как поступление туркменского газа и таджикского электричества, а также позволило бы ему стать частью транспортного коридора из Центральной в Южную Азию. Вопрос по объему забираемой каналом Куштепа воды может быть использован Кабулом для давления на партнеров, однако и у тех имеются свои козыри для того, чтобы в ходе переговоров добиваться приемлемого компромисса.

Оценивая потенциальную вероятность водных конфликтов в Центральной Азии, большинство аналитиков обращает первоочередное внимание на межгосударственные противоречия. Между тем инициаторами обострения водных конфликтов могут стать негосударственные акторы. Речь может идти о противоречиях между местными жителями как разных стран (что продемонстрировали киргизско-таджикские пограничные столкновения), так и одной и той же страны. Показательно, что из 21 произошедшего в постсоветской Центральной Азии инцидента, которые попали в упомянутую базу данных Тихоокеанского института, 11 были инициированы местными жителями, а не государствами [Water Conflict Chronology].

Наконец, объекты водной инфраструктуры, особенно плотины ГЭС, могут использоваться в целях шантажа террористами и прочими воинствующими неправительственными группировками. В 1998 г. поднявший мятеж в Таджикистане полковник Махмуд Худойбердиев угрожал взорвать плотину Кайраккумской ГЭС в том случае, если его требования не будут выполнены [Water Conflict Chronology]. Следует, однако, учитывать, что катастрофические последствия подобного рода акций могут существенно сократить социальную базу террористов и боевиков и помешать их планам закрепиться в регионе.

ПУТИ СМЯГЧЕНИЯ ВОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

Даже в долгосрочной перспективе усугубление проблемы нехватки пресной воды отнюдь не обрекает центральноазиатский регион на обострение конфликтов. Проблема может решаться различными способами, хотя ни один из них не дает гарантии успеха.

* Талибан признан террористической организацией в России.

Одним из главных путей преодоления водного дефицита является сокращение потерь воды при ее расходовании. Созданные еще в советский период ирригационные сооружения государств региона отличаются низкой эффективностью, по разным оценкам, теряя от трети до половины воды из-за испарения, просачивания, а также избыточного орошения (см., напр.: [Ниязи, 2022]). Последнее, помимо прочего, ведет к засолению почв и выведению их из сельскохозяйственного оборота.

Смягчить проблему растущего дефицита водных ресурсов могли бы широкомасштабная модернизация каналов и других компонентов оросительных систем, а также повсеместное внедрение таких водосберегающих технологий, как капельное орошение. Серьезные шаги в этом направлении уже предпринимаются в Казахстане и Узбекистане: так, в 2017–2021 гг. в Узбекистане новые технологии были внедрены на 15 % всех орошаемых площадей страны [Makhmudov et al., 2022].

Широкомасштабная модернизация оросительных систем в регионе выглядит, однако, непростой задачей. Во-первых, такая модернизация потребует многомиллиардных вложений, которые стали бы тяжелым бременем для национальных бюджетов. Поиск же иностранных инвесторов может оказаться слишком долгим процессом с недостаточными для полноценного решения проблемы результатами. Во-вторых, внедрение новых технологий орошения может потребовать дополнительного расхода электричества, что заставит «низовые» государства искать новые источники поступления электроэнергии. Наконец, местное население не всегда способно понять необходимость экономного потребления воды и дополнительных затрат на внедрение водосберегающих технологий. Поэтому важной составляющей политики рационализации водопотребления должно стать экологическое образование населения [Oberkircher, Hornidge, 2011].

Свою положительную роль играет происходящий в последние десятилетия отказ центральноазиатских стран (особенно того же Узбекистана) от ставки на выращивание для последующего экспорта таких влаголюбивых культур, как хлопок. В случае обострения проблемы дефицита воды государства региона гипотетически могут также отказаться от наиболее водоемких производств и перейти к импорту «виртуальной воды», т. е. сэкономить за счет импорта тот объем воды, который потребовался бы для производства данных товаров. На это потенциально могут пойти Узбекистан и Туркменистан, использующие для выращивания урожая в первую очередь «голубую воду», т. е. воду из систем орошения; тогда как Казахстан для выращивания пшеницы использует «зеленую воду», т. е. воду осадков [Zhou et al., 2021]. Однако в случае перехода центральноазиатских государств к широкомасштабному импорту «виртуальной воды» возникнет вопрос о том, за счет каких доходов данные государства смогут обеспечить такой импорт.

Одним из путей рационализации водопотребления является внедрение рыночных механизмов, включая повышение платы за потребление воды и стимулирование внедрения технологий водосбережения. Однако до сих пор ни одна из центральноазиатских стран пока не решилась на проведение последова-

тельных реформ, поскольку они могли бы стать обременительными для населения и вызвать массовое недовольство.

Еще одним путем преодоления водного дефицита может стать поиск дополнительных источников воды. Речь может, в частности, идти о добыче подземных вод, запасы которых в Центральной Азии пока довольно значительны [Дмитриева, 2019]. Гипотетически также возможна очистка сточных и засоленных при орошении вод. Однако добыча и особенно очистка вод являются довольно энергоемкими процессами, что может привести к энергодефициту и к поиску путей его преодоления (например, благодаря поставке электроэнергии с ГЭС верховых государств или расширению масштабов использования солнечной энергии). Ресурсы же подземных вод, несмотря на их кажущееся обилие, все же ограничены и, как показывает опыт других регионов, могут быть исчерпаны.

Еще в советский период для преодоления водного дефицита был предложен проект переброски вод сибирских рек в Центральную Азию; в постсоветский период дискуссии по данному проекту возобновились. Однако критики проекта утверждают, что его реализация способна привести к катастрофическим последствиям, включая заболачивание и изменение климата огромных территорий [Дмитриева, 2019].

Для примирения конфликтных интересов верховых и низовых государств часть экспертов предлагает вернуться к видоизмененной с учетом реалий постсоветского периода советской системе арбитража. При такой системе в Центральной Азии может быть создан координирующий орган, который обеспечивал бы распределение квот воды между государствами региона, выделение низовым государствам достаточных объемов воды для орошения летом и вместе с тем организацию поставок топлива по приемлемым ценам верховым государствам зимой. Критики считают, однако, что в постсоветских условиях такая идея нереалистична, учитывая, во-первых, нежелание центральноазиатских государств поступаться частью своего суверенитета, а во-вторых, появление в этих государствах влиятельных лоббистских групп, имеющих серьезные рычаги влияния для отстаивания своих экономических интересов (например, максимизации прибыли от экспорта энергоресурсов или сельскохозяйственной продукции) [Djanibekov, Van Assche, Valentinov, 2016]. Определенным, хотя, возможно, пока недостаточным стимулом для создания эффективной системы арбитража гипотетически может стать стремление правительств придать импульс пока малопродуктивному процессу центральноазиатской интеграции, для которого урегулирование проблемы водных ресурсов пока является одним из главных камней преткновения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопреки мрачным прогнозам, обострение конфликтов в Центральной Азии по поводу водных ресурсов отнюдь не выглядит неизбежным. Пока не вполне ясны цели таких конфликтов, а также круг их потенциальных участников. Противоречия между верховыми (в первую очередь Узбекистаном) и низовыми государствами во многом утратили свою прежнюю остроту, которая в перспективе будет опре-

деляться скорее политическим выбором соответствующих стран, нежели объективными факторами. Не очень велика вероятность обострения водных конфликтов по инициативе внерегиональных государств, которые еще долго будут иметь возможность решать водные проблемы за счет своих внутренних ресурсов. Наиболее вероятным и опасным сценарием представляется обострение трансграничных либо внутренних противоречий из-за воды на локальном уровне в том случае, если соответствующим государствам не хватит политической воли и умения такие противоречия эффективно разрешить. Среди государств Центральной Азии наиболее уязвимым выглядит Туркменистан, который выделяется на фоне других государств региона особо расточительным уровнем водопотребления в сочетании с неэффективностью управления и военной слабостью.

Государства Центральной Азии располагают довольно широким кругом возможностей для того, чтобы не допустить обострения проблемы: речь может идти и о внедрении передовых технологий водосбережения, и об освоении дополнительных водных ресурсов, и о достижении новых взаимоприемлемых межгосударственных компромиссов. Реализация этих возможностей зависит, однако, от ряда факторов, включая успешность внутриэкономических реформ в соответствующих странах, результативность политики привлечения иностранных инвестиций, политическую волю центральноазиатских правительств к урегулированию противоречий с другими государствами региона и т. п. В то время как в краткосрочной перспективе широкомасштабные «водные войны» в Центральной Азии выглядят маловероятными, вероятность эскалации водных конфликтов в регионе в долгосрочной перспективе с трудом поддается оценке.

Литература

- Боришполец К. П. Водноэнергетические проблемы Центральной Азии — возможные пути решения // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 25–28.
- Дмитриева Е. Л. Водные ресурсы Средней Азии: проблемы и пути решения // Россия и мусульманский мир. 2019. № 3. С. 42–48.
- Кенжаев А. А. Региональная политика Республики Узбекистан в области трансграничного водопользования на современном этапе // Oriental Journal of History, Politics and Law. 2023. Т. 3, № 3. С. 243–256.
- Ниязи А. Ш. Узбекистан: проблемы современной модернизации водного и сельского хозяйства // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1. С. 53–65.
- Djanibekov N., Van Assche K., Valentinov V. Water governance in Central Asia: a Luhmannian perspective // Society & Natural Resources. 2016. Vol. 59. P. 1–9.
- Gleick P., Iceland Ch. Water, security, and conflict // Water Resource Institute. 2018. URL: <https://www.thegpsc.org/sites/gpsc/files/watersecurityconflict.pdf> (дата обращения: 5.09.2023).
- Homer-Dixon Th. Environmental scarcities and violent conflict: Evidence from cases // International Security. 1994. Vol. 19, no. 1. P. 5–40.
- Jiang Y. China's water security: Current status, emerging challenges and future prospects // Environmental Science and Policy. 2015. Vol. 54. P. 106–125.
- Kipping M. Can “integrated water resources management” silence Malthusian concerns? The case of Central Asia // Water International. 2008. Vol. 33, iss. 3. P. 305–319.
- Makhmudov I. E., Mirzaev A. A., Murodov N. K., Ernazarov A. I. Socio-economic situation in the water management of the Republic of Uzbekistan and the regulatory-legal and economical frameworks for the implementing of water-saving technologies // Journal of Positive School Psychology. 2022. Vol. 6, no. 5. P. 2951–2955.

Oberkircher L., Hornidge A.-K. "Water is life" — farmer rationales and water saving in Khorezm, Uzbekistan: a lifeworld analysis // *Rural Sociology*. 2011. Vol. 76, no. 3. P.394–421.

Stewart D. Water conflict in Central Asia — is there potential for the desiccation of the Aral Sea or competition for the waters of Kazakhstan's cross-border Ili and Irtysh rivers to bring about Conflict; and should the UK be concerned? // *Defence Studies*. 2014. Vol. 14, no. 1. P.76–109.

Stucki V., Sojamo S. Nouns and numbers of the water–energy–security Nexus in Central Asia // *International Journal of Water Resources Development*. 2012. Vol. 28, no. 3. P.399–418.

Vorosmarty C. J., Rodríguez Osuna V., Cak A. D., Bhaduri A., Bunn S. E., Corsi F., Gastelumendi J., Green P., Harrison I., Lawford R., Marcotullio P. J., McClain M., McDonald R., McIntyre P., Palmer M., Robarts R. D., Szöllösi-Nagy A., Tessler Z., Uhlenbrook S. Ecosystem-based water security and the sustainable development goals // *Ecohydrology and Hydrobiology*. 2018. Vol. 18, iss. 4. P.317–333.

Wolf A. Water and human security // *Journal of Contemporary Water Research and Education*. 2001. Vol. 118, iss. 1. P.29–37.

Zhou X., Han Sh., Li H., Ren D., Sheng Zh., Yang Yo. Virtual water flows in internal and external agricultural product trade in Central Asia // *Journal of the American Water Resources Association*. 2021. Paper no. JAWR-20-0137-P.

Голунов Сергей Валерьевич — д-р полит. наук, вед. науч. сотр.;
sergei.golunov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 7 сентября 2023 г.;

рекомендована к печати: 26 февраля 2024 г.

Для цитирования: *Голунов С. В.* «Водные конфликты» в Центральной Азии: вероятность эскалации и возможности предотвращения // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2024. Т. 20, № 2. С. 259–273. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.208>

“WATER CONFLICTS” IN CENTRAL ASIA: THE LIKELIHOOD OF ESCALATION AND PREVENTION OPTIONS

Serghei V. Golunov

Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences,
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, 117997, Russian Federation; sergei.golunov@gmail.com

Numerous forecasts emphasize the danger of escalating conflicts over freshwater resources in Central Asia due to such factors, as limited availability of water resources across much of the region, rapid population growth, adverse consequences of the global warming, and contradictions between agricultural and energy needs of the region's states. Despite the relatively abundant research on the issue of water scarcity in Central Asia, the analyses of potential causes of conflict escalation and of the range of actors of these potential conflicts do look fragmentary and not sufficiently logical. Findings of most studies seem outdated and not paying due attention to the interplay between water issues and energy security. This article is devoted to complex analysis of the role of those factors that could potentially lead to an exacerbation of water conflicts in Central Asia. The author concludes that the escalation of conflicts over Central Asian water resources is by no means inevitable and not even the most likely scenario. Countries of the region have a wide range of opportunities to prevent the exacerbation of the issue. This could involve efforts to save water, gaining access to additional water resources, and achieving interstate compromises to mitigate tensions between upstream and downstream states regarding seasonal water distribution. However, taking advantage of these opportunities is also challenging given a range of economic and political obstacles. This brings a lot of uncertainty into the future developments.

Keywords: Central Asia, water security, water conflict, absolute water scarcity, seasonal water scarcity, energy security.

References

- Borishpolets K. P. Water and energy issues of Central Asia: possible ways to resolve. *MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 3, pp. 25–28. (In Russian)
- Djanibekov N., Van Assche K., Valentinov V. Water governance in Central Asia: a Luhmannian perspective. *Society & Natural Resources*, 2016, vol. 59, pp. 1–9.
- Dmitrieva E. L. Water resources of Central Asia: problems and ways to solve them. *Rossia i musul'manskii mir*, 2019, no. 3, pp. 42–48. (In Russian)
- Gleick P., Iceland Ch. Water, security, and conflict. *Water Resource Institute*, 2018. Available at: <https://www.thegpsc.org/sites/gpsc/files/watersecurityconflict.pdf> (accessed: 5.09.2023).
- Homer-Dixon Th. Environmental scarcities and violent conflict: evidence from cases. *International Security*, 1994, vol. 19, no. 1, pp. 5–40.
- Jiang Y. China's water security: Current status, emerging challenges and future prospects. *Environmental Science and Policy*, 2015, vol. 54, pp. 106–125.
- Kenzhaev A. A. Regional policy of the Republic of Uzbekistan in the field of transboundary water use at the present stage. *Oriental Journal of History, Politics and Law*, 2023, vol. 3, no. 3, pp. 243–256. (In Russian)
- Kipping M. Can “integrated water resources management” silence Malthusian concerns? The case of Central Asia. *Water International*, 2008, vol. 33, iss. 3, pp. 305–319.
- Makhmudov I. E., Mirzaev A. A., Murodov N. K., Ernazarov A. I. Socio-economic situation in the water management of the Republic of Uzbekistan and the regulatory-legal and economical frameworks for the implementing of water-saving technologies. *Journal of Positive School Psychology*, 2022, vol. 6, no. 5, pp. 2951–2955.
- Niyazi A. Sh. Uzbekistan: contemporary modernization challenges in water and agriculture. *Rossia i musul'manskii mir*, 2022, no. 1, pp. 53–65. (In Russian)
- Oberkircher L., Hornidge A.-K. “Water is life” — farmer rationales and water saving in Khorezm, Uzbekistan: a lifeworld analysis. *Rural Sociology*, 2011, vol. 76, no. 3, pp. 394–421.
- Stewart D. Water conflict in Central Asia — is there potential for the desiccation of the Aral Sea or competition for the waters of Kazakhstan's cross-border Ili and Irtysh rivers to bring about Conflict; and should the UK be concerned? *Defence Studies*, 2014, vol. 14, no. 1, pp. 76–109.
- Stucki V., Sojamo S. Nouns and numbers of the water–energy–security Nexus in Central Asia. *International Journal of Water Resources Development*, 2012, vol. 28, no. 3, pp. 399–418.
- Vorosmarty C. J., Rodriguez Osuna V., Cak A. D., Bhaduri A., Bunn S. E., Corsi F., Gastelumendi J., Green P., Harrison I., Lawford R., Marcotullio P. J., McClain M., McDonald R., McIntyre P., Palmer M., Roberts R. D., Szöllösi-Nagy A., Tessler Z., Uhlenbrook S. Ecosystem-based water security and the sustainable development goals. *Ecohydrology and Hydrobiology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 317–333.
- Wolf A. Water and human security. *Journal of Contemporary Water Research and Education*, 2001, vol. 118, iss. 1, pp. 29–37.
- Zhou X., Han Sh., Li H., Ren D., Sheng Zh., Yang Yo. Virtual water flows in internal and external agricultural product trade in Central Asia. *Journal of the American Water Resources Association*, 2021, paper no. JAWR-20-0137-P.

Received: September 7, 2023

Accepted: February 26, 2024

For citation: Golunov S. V. “Water conflicts” in Central Asia: The likelihood of escalation and prevention options. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 259–273. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.208> (In Russian)